

Научная статья / Research Article

УДК 903.27

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-07)

EDN: MTDINQ

НЕИЗУЧЕННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА)

Ольга Сергеевна Советова¹, Ольга Олеговна Шишкина^{2*},
Иван Витальевич Сирюкин³, Анна Николаевна Мухарева⁴

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
olgasovetova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0733-8245>

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
olgashishkina145@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4956-1293>

³Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
ivansiryukin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9620-6040>

⁴Кемеровский государственный университет,
Кузбасский музей-заповедник «Томская писаница», Кемерово, Россия;
mukhareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4484-788X>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены некоторые результаты исследований «поздних» изображений, называемых «народными» или «этнографическими», датируемых Новым временем (XVII — начало XX в.) и выявленных авторами на таких памятниках наскального искусства Минусинской котловины, как Тепсей, Усть-Туба, Улазы, Георгиевская, Фунтикова и др. В научный оборот вводятся новые петроглифы, анализируются их технические и стилистические особенности, выделяются наиболее часто встречающиеся сюжеты и образы: коней со всадниками, сидящими или стоящими на спинах животных, собак, верблюдов, сцены охоты и перекочевок, «семейные пары», хороводы, сцены с шаманами и фантастическими существами и др. Подробно характеризуются известные случаи подражания в Новое время рисункам, выполненным в предшествующие эпохи, а также «сотворчества» этнографических изображений с более древними. Авторы приходят к выводам о ценности данного источника для понимания мировоззренческих представлений местного населения, проживавшего в Минусинской котловине в XVII — начале XX в., его самобытности, неповторимости образов и сюжетов, незатейливо передающих картинки жизни, особенности верований, впечатления о происходящем, а также отразившего перемены, которые происходили в регионе в связи с проникновением на эти земли русских.

Ключевые слова: Минусинская котловина, наскальное искусство, этнографические рисунки, стиль, хронологическая атрибуция, позднее Средневековье, Новое время

Благодарности: работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н.э. по материалам петроглифов» (проект №23–28–00974).

Для цитирования: Советова О.С., Шишкина О.О., Сирюкин И.В., Мухарева А.Н. Неизученные страницы истории и культуры населения Минусинской котловины в Новое время (по материалам наскального искусства) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №4. С. 107–129. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-07)

UNEXPLORED PAGES RELATED TO THE HISTORY AND CULTURE OF THE MINUSINSK BASIN POPULATION IN MODERN TIMES (BASED ON ROCK ART MATERIALS)

**Olga S. Sovetova¹, Olga O. Shishkina^{2*}, Ivan V. Siryukin³,
Anna N. Mukhareva⁴**

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;

¹olgasovertova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0733-8245>

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;

²olgashishkina145@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4956-1293>

³Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;

³ivansiryukin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9620-6040>

⁴Kemerovo State University, "Tomskaya Pisanitsa"

⁴Kuzbass Museum-reserve, Kemerovo, Russia;

⁴mukhareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4484-788X>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents some results of the research of the “late” images, called “folk” or “ethnographic”, dating back to the New Age (17th — early 20th centuries) and identified by the authors on such rock art sites of the Minusinsk Basin as Tepsey, Ust-Tuba, Ulazy, Georgievskaya, Funktikova and others. New petroglyphs are introduced into scientific circulation, their technical and stylistic features are analyzed, the most common plots and images are highlighted: horses with riders sitting or standing on the backs of animals, dogs, camels, hunting and migration scenes, “family couples”, round dances, scenes with shamans and fantastic creatures and others. The known cases of imitation in the New Age of drawings made in previous eras, as well as “co-creation” of ethnographic images with more ancient ones are described in detail. The authors come to the conclusion about the value of this source for understanding the worldview of the local population living in the Minusinsk Basin in the 17th — early 20th centuries, its originality, uniqueness of images and plots, which simply convey pictures of life, features of beliefs, impressions of what was happening, and also reflect the changes that took place in the region in connection with the penetration of Russians into these lands.

Keywords: Minusinsk Basin, rock art, ethnographic images, style, chronological attribution, Late Middle Ages, Modern times

Acknowledgments: the work was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant on the topic “Unexplored Pages from the History and Culture of the Population of Southern Siberia in the 2nd Millennium AD as Revealed in Petroglyphs” (project №23–28–00974).

For citation: Sovetova O.S., Shishkina O.O., Siryukin I.V., Mukhareva A.N. Unexplored Pages Related to the History and Culture of the Minusinsk Basin Population in Modern Times (Based on Rock Art Materials). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(4):107–129. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-07)

Bведение

В настоящее время на территории Минусинской котловины — одного из крупнейших очагов наскального искусства Северной Азии — известны петроглифы различных хронологических пластов, от каменного века (?) до этнографической современности включительно (IV–III тыс. до н.э. — II тыс. н.э.). И хотя утверждение о том, что петроглифы непрерывно создавались во все времена, включая традиционные культуры (Кызласов, 2020, с. 315), особых дискуссий не вызывает, наибольший интерес

специалистов сосредоточен на древнейших наскальных изображениях, выполненных в минусинской и ангарской традициях, рисунках эпохи бронзы и раннего железного века, и в меньшей степени — раннесредневековых. При этом совершенно незаслуженно остаются без должного внимания «поздние» рисунки, созданные в пределах II тыс. н.э.

Следует отметить, что до сих пор обоснованно не выделена та часть «поздних» рисунков, которая могла бы быть соотнесена с развитым и поздним средневековьем (XII–XVI вв.). Их анализ и атрибуция затруднены практически полным отсутствием соответствующих археологических данных, а значит, невозможно пока выработать четкие критерии, позволяющие датировать наскальные изображения на памятниках Минусинской котловины XII–XVI вв. При этом целые серии отдельных изображений и сюжетных композиций нельзя отнести ни к одной из известных в настоящее время культурно-хронологических групп и остается только полагать, что когда-нибудь часть их сможет заполнить имеющуюся лакуну.

Между тем при изучении петроглифов отдельных памятников исследователи и раньше предпринимали попытки выделить позднесредневековые рисунки. Так, например, «грубо выбитые изображения людей, нередко с саблями и бубнами в руках, рисунки деревьев и разных животных» на горе Георгиевской были датированы XV–XVIII вв. (Леонтьев, Панкова, 2012, с. 8). Н.В. Леонтьев и С.Г. Скобелев поздние выбивки Георгиевской соотнесли с байкотовцами — этносом кетоязычного происхождения, который, по мнению Н.В. Леонтьева, обитал в бассейне Тубы задолго до XVIII в. Им же было подмечено, что «петроглифов, подобных поздним выбивкам Георгиевской, встречается очень мало, причем они есть только на правобережье Енисея» (Леонтьев, Панкова, 2012, с. 8, примечание). Некоторые близкие аналогии подобным изображениям были выявлены авторами настоящей статьи в петроглифах комплексов Тепсей и Улазы — рисунки деревьев, некоторые антропоморфные персонажи, но их более точную атрибуцию еще предстоит выполнить.

Вторая часть «поздних» рисунков II тыс. н.э. достаточно обоснована и в хронологическом, и в культурном плане (Кызласов, Леонтьев, 1980). Эти наскальные изображения нередко называют «этнографическими» или «народными» и датируют Новым временем (XVII — начало XX в.). Однако, несмотря на то что с момента выхода первой публикации, посвященной анализу петроглифов Нового времени (Леонтьев, 1977), прошло почти полвека, в научном обороте по-прежнему фигурируют в основном те рисунки, которые были опубликованы в вышедшей вскоре единственной монографии, посвященной наскальным изображениям этого периода (Кызласов, Леонтьев, 1980). Авторами книги рисунки были соотнесены с хакасами (Там же, с. 61, 62), проживавшими в XIX в. не только в левобережных волостях Минусинского уезда, но и на правобережье Енисея: качинцами (хааш, хаас), сагайцами (сагай), кызыльцами (хызыл) и койбалами (хойбал) (Катанов, 1891, с. 135). Согласно статистическим данным, которые приводят Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев, «на 1854 г. в правобережных волостях только Минусинского уезда проживало 1506 хакасов» (1980, с. 62). При этом в 1875 г. в ближайшем к горе Тепсей населенном пункте — с. Листвягово оседлые хакасы составляли примерно 50% всего населения (Бутанаев, 1996, с. 23). Данные цифры в какой-то степени объясняют многочисленность наскальных изображений, оставленных представителя-

ми данного населения на скалах, курганных камнях, а также разного размера плитах, лежащих отдельно на склонах гор.

Поскольку в последние годы корпус источников по хакасским народным рисункам значительно вырос, чему во многом способствовали также полевые изыскания авторов настоящей статьи, представляется необходимым более подробно остановиться на итогах проделанной работы и представить ее основные результаты.

Краткая история изучения «поздних» наскальных изображений

Впервые на Енисее хакасские рисунки были зафиксированы в 1722 г. первой академической экспедицией в Сибирь под руководством Д.Г. Мессершмидта. Эта плоскость с выполненными красной краской изображениями «зверей, людей и знаков» (Мессершмидт, 1888, с. 17, 18) в настоящее время утрачена вследствие создания Красноярского водохранилища, а сохранившиеся рисунки и описания — единственные свидетельства ее существования.

Более широко известны упоминания о хакасских рисунках, оставленные исследователями XIX в. Так, первый енисейский губернатор А.П. Степанов, сообщая об особенностях погребального обряда местного населения, писал, что камни, размещаемые на их могилах, были с «разными высечками того, до чего покойник был более охотник» (Степанов, 1835, с. 84). М.А. Кастрен, путешествовавший по Енисею в 1847 г., отметил факт поклонения хакасов «высоким скалам, святость которых обозначалась на малеванными или высеченными фигурами», как и то, что «ныне в иной день многие татарские поколения собираются у подножия „писаных скал“ или возле каменных изваяний, чтобы отмечать свои праздники» (Castren, 1856, р. 318).

Об использовании местным населением краски двух цветов для нанесения изображений сообщал Д.А. Клеменц, полагая, что рисунки, оставленные красной краской, могли быть более древними, чем выполненные черной. Описывая Арбатскую писаницу, он отмечал: «...ходит слух, что к ней кто-то и поныне прибавляет время от времени новые знаки... уверяют меня, что там такие рисунки, какие бывают на шаманских бубнах» (Клеменц, 1886, с. 38, 39). Достаточно подробные описания позднейших изображений были оставлены И.Т. Савенковым, который указывал, что на современных писаницах преобладает образ человека, часто шамана, в отличие от древнейших, на которых популярны фигуры животных (Савенков, 1886, с. 56). И.П. Кузнецов характеризует многочисленные рисунки на курганных камнях, отмечая, что пастухи во время выпаса скота упражняются в вырезании и выбивании изображений и что эти фигуры отличаются от древних своей «свежестью» (Кузнецов, 1889, с. 85).

В начале XX в. неутомимый исследователь памятников наскального искусства Минусинской котловины А.В. Адрианов также описывал случаи нанесения пастухами-хакасами современных изображений на каменные поверхности. Кроме этого, он фиксировал современные подражания древним изображениям, указывая на факты разрушения тем самым древних писаниц людьми невежественными, которые «начинают тут же выбивать фигуры, вырезать свои фамилии, увековечивать свои посещения соответствующими записями» (Адрианов, 1904, с. 2). Указывая, что некоторые подражания могут быть весьма искусны (Адрианов, 1904, с. 3), А.В. Адрианов

отмечал наличие современных рисунков на Суханихе (Адрианов, 1904, с. 23), Тепсее (Адрианов, 1904, с. 30–35), Туране (Адрианов, 1904, с. 56), Майдашинской (Адрианов, 1904, с. 60–61) и Сыдинской (Адрианов, 1904, с. 71) писаницах и других памятниках, в отдельных случаях, как, например, на горе Тепсей, подробно их описывая (Адрианов, 1904, с. 30). Со склонов горы Оглахты исследователем были вывезены некоторые плиты с современными ему петроглифами, хранящиеся в настоящее время в Красноярском краевом краеведческом музее.

Краткие упоминания о «поздних» рисунках, включая петроглифы на курганных плитах, содержатся и в работах этнографов. Еще в конце XIX в. П.Е. Островских относил к «поздним» изображения людей, нанесенные на курганные камни (Островских, 1895, с. 307, 325). В 1930 г. Е.Р. Шнейдер указывал на незначительное распространение рисунка в хакасском искусстве, упоминая, что чаще всего изображения встречаются на ритуальных предметах и лишь изредка — на утилитарных вещах или курганных камнях, фигуры на которых он сопоставлял с рисунками на писаницах «железной» эпохи (Шнейдер, 1930, с. 82). Изучавший традиционное искусство народов Сибири С.В. Иванов указывал на необходимость сбора и публикации изображений, оставленных хакасским населением на камнях древних курганов и новейших надгробиях, полагая, что без этого цели их нанесения останутся неизвестными (Иванов, 1954, с. 589).

Дальнейшее изучение изображений Нового времени на памятниках наскального искусства региона было предпринято Н.В. Леонтьевым, который в 1968 г. обследует Малоарбатский писанец, а в 1972 г. — после сообщения В.Ф. Капелько об обнаружении отдельно лежащих камней с неизвестными рисунками — склоны горы Оглахты. Анализ данного материала позволил вскоре исследователю аргументированно обосновать хакасскую принадлежность найденных на плитах изображений (Леонтьев, 1977). Почти в то же время участниками Хакасской археологической экспедиции МГУ под руководством Л.Р. Кызласова были обнаружены серии поздних рисунков на скалах в долинах Нини, Абакана и Черного Июса (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 17, 102–105). Результаты совместных изысканий нашли отражение в монографии (Кызласов, Леонтьев, 1980). Авторами был проанализирован значительный изобразительный материал, выполнена его атрибуция и систематизация, охарактеризованы стилистические особенности фигур и технические приемы их нанесения.

Начиная с 1990-х гг. «поздние» наскальные изображения привлекаются в основном при публикации результатов многолетних исследований на крупнейших памятниках региона — Оглахты и Тепсее, отраженных в серийном издании *Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale* (1994; 1995) и монографии (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021). Кроме того, отдельные рисунки представлены в статьях (Советова, Миклашевич, 1999; Ладыгина, 2013; Миклашевич, 2015, 2019; и др.), а также альбомах по памятникам наскального искусства региона (Наскальное искусство..., 2007; Петроглифы древней Сибири, 2010; Наскальные изображения Оглахты, 2017). Однако, несмотря на обозначенные ранее некоторые перспективы дальнейших изысканий в этой области и обобщение накопленного опыта (Мухарева, Емельянцева, 2023), до полной публикации корпуса хакасских народных рисунков еще далеко.

Сюжетно-стилистическое своеобразие изображений Нового времени

Для формирования корпуса новых источников в течение нескольких полевых сезонов авторами осуществлялись работы на таких местонахождениях наскального искусства региона, как Большой Сибигур, Георгиевская, Ильинские писаницы, Полосатая, Тепсей — Усть-Туба, Толстый Мыс, Улазы, Фунтикова, Шишкя, Яновская, а также многочисленных курганных могильниках, расположенных в их окрестностях. Опорным комплексом стал Тепсей, на нескольких местонахождениях которого был скопирован и изучен основной массив изображений, относящихся к Новому времени («народным» рисункам), что способствовало их восприятию как одного из видов народного творчества местного населения. Кроме результатов полевых исследований были использованы опубликованные рисунки с других памятников наскального искусства Минусинской котловины.

Следует учесть, что в непосредственной близости от горы Тепсей с конца XVIII в. располагалась д. Листвягово, в которой в 1875 г. проживало 44 оседлых хакасов (Марьясовы и Павлушкины) и 83 русских крестьянина (Страницы истории..., 2019). Еще одним близлежащим населенным пунктом был поселок Усть-Туба. В настоящее время он затоплен, в 1960-е гг. его жители были переселены в Листвягово и, очевидно, в последующие годы разъехались из деревни, в результате чего она захирела и только в настоящее время наблюдается хоть какое-то возрождение жизни в ней. Очевидно, что жители этих населенных пунктов использовали тепсейские степи в качестве пастбищ, на вершинах горных гряд Тепселя встречаются каменные обо (Бутанаев, 1996, с. 211), а сама гора у местного населения считалась священной.

«Поздние» наскальные изображения горы Тепсей, а также других перечисленных выше памятников (рис. 1–5) демонстрируют бытовую и сакральную составляющие жизни и смерти людей, которыми они создавались. Рисунки отражают основные события и образы, почерпнутые из реальной жизни или существовавшие в народном воображении, а также навеянные народными сказаниями или новыми явлениями жизни, впечатлявшими местное коренное население.

Этнографические рисунки порой довольно легко распознаются по более светлому, чем скальная поверхность, цвету. Часть изображений выполнена грубой выбивкой, «неумело», но имеются и довольно искусные реалистичные фигуры, нанесенные неглубокими выбоинами, резными или гравированными линиями, а также крашеные. Некоторые гравированные изображения бывают неплохо детализированы, но выявлять их всегда сложно. Далеко не все они видны отчетливо, многие лишь намечены тончайшими резными линиями и едва различимы. Неоднократно указывалось исследователями на схожесть этих наскальных рисунков с изображениями на шаманских бубнах, деревьях, предметах домашней утвари и т.д. Поэтому так близок и набор образов, включающий антропоморфных персонажей (рис. 1), в том числе в шаманском облачении и с соответствующими атрибутами (рис. 2), коней (рис. 3), верблюдов (рис. 4), оленей, собак (рис. 5) и других животных, часто в сочетаниях друг с другом, тамги и др.

В свое время Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев на материале петроглифов выделили ряд характерных признаков «народных» рисунков хакасов, по которым можно вычленить их из массы других изображений. Но даже набор таких четких критериев не всегда позволяет сделать это однозначно. Например, все множество антропоморфных персонажей, известных на скалах, подразделяют на линейные, контурные и «геометризованные». Авторы первой публикации по наскальным рисункам хакасов среди стилистических признаков линейных антропоморфных фигур называли изогнутые в коленях ноги с обозначенными ступнями (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 34) (рис. 1.-3, 4; 3.-5). По нашим наблюдениям, этот признак характерен не только для петроглифов Нового времени: ступни у антропоморфных персонажей могли обозначаться и в раннем железном веке, и в другие эпохи (как, впрочем, и раскрытая пятерня). К сожалению, далеко не всегда, основываясь на данном критерии, возможно датировать линейные антропоморфные фигуры Новым временем, кроме, пожалуй, случаев их предельного схематизма и угловатости¹. Также выбывающимися из общих особенностей можно считать треугольные головы некоторых антропоморфных персонажей (Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 16; табл. 12.-25). Встречаются фигуры, выполненные в контурной изобразительной манере (Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 9.-15), а также как бы составленные из ромбов, треугольников, трапеций и т.д. (Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 16; табл. 12.-25, 26). Продолжают древнюю традицию фертообразные фигуры (рис. 1.-3, 4). К редким относятся персонажи в национальной одежде, погрудные изображения: на писанице Комаркова это «Иван-богатырь» (Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 5.-XVII), на Тепсее — довольно крупное изображение женщины-хакаски (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, кат. 84). Самостоятельную группу представляют всадники, для которых характерны три основные специфические позы: руки сидящего в седле расставлены в стороны (рис. 3.-4), иногда касаясь шеи и спины животного; поза на корточках на спине животного; поза стоя на спине животного. Изредка встречаются у всадников и одиночных фигур фертообразные позы (рис. 1.-3, 4).

Одним из типичных сюжетов Нового времени являются семейные пары, нередко с детьми (рис. 1.-2-4). Они встречаются как в сценах перекочевки, так и отдельно, а также включенными в многофигурные композиции. Еще один типичный сюжет — это «хороводы» («человеческие цепочки»). Они бывают как одно-, так и многорядными. Как правило, люди изображались взявшими за руки (рис. 1.-1).

Еще более разнообразны изображения животных. Среди общих для них стилистических признаков Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев выделили «массивность и угловатость», «„незамкнутый контур“ в очертании фигуры, двойные, вписанные друг в друга „П-образные линии“» для передачи корпусов животных и др. (1980, с. 44). Из-

¹ Вообще, следует отметить, что во все эпохи в наскальном искусстве рассматриваемого региона изображения антропоморфных персонажей были весьма схожи, за исключением, пожалуй, лишь фигур таштыкского времени. Особенно широко известны так называемые тагарские человечки — схематичные фигуры, как правило, изображеные «обнаженными». И до сих пор поставленный когда-то Л.Р. Кызласовым и Н.В. Леонтьевым вопрос: а все ли тагарские человечки являются тагарскими — остается нерешенным.

вестный сегодня материал позволяет разделить фигуры животных на линейные, силуэтные и контурные. При этом для последних характерен как простой контур, так и усложненный орнаментацией. Большое количество орнаментированных коней зафиксировано на скалах Оглакты, что отличает этот памятник от всех известных в Минусинской котловине.

Рис. 1. Сцены с изображениями антропоморфных фигур: 1 — Оглакты, фонды музея КемГУ (КМАЭЭ ОФ 45/86, ГК 40139811 (а); КМАЭЭ ОФ 45/87, ГК 40139810 (б)), рендер модели, RSSDA; 2, 3 — Оглакты, фото по: (Наскальные изображения Оглакты, 2017, с. 155–157); 4 — Оглакты, прорисовка О.С. Советовой

Fig. 1. Scenes with images of anthropomorphic figures: 1 — Oglakhty, funds of the KemSU museum (KMAEE OF 45/86, GC 40139811 (a); KMAEE OF 45/87, GC 40139810 (b)), model render, RSSDA; 2, 3 — Oglakhty, photo by: (Rock paintings of Oglakhty, 2017, pp. 155–157); 4 — Oglakhty, drawing by O.S. Sovetova

Пожалуй, наиболее многочисленными среди рисунков Нового времени являются изображения коней с всадниками (рис. 3). Причем кони могли быть самыми разными, от простых линейных, максимально упрощенных (рис. 3.-4, 5), до силуэтных или контурных (рис. 3.-2, 3), украшенных «особых» коней либо резных, еще более реалистич-

ных. Кони встречаются как одиночными, так и в многофигурных сценах: нередко они сопровождают своего хозяина, который либо восседает на нем, либо расположен рядом. Порой в таких сценах показаны и собаки с хвостами-колечками, бегущие за конем (рис. 3.-2). Кони могут быть впряжены в повозки, на их спинах перевозят скарб либо перемещаются люди (перекочевка?). Особую группу представляют кони с маленькими антропоморфными фигурками на спинах (рис. 3.-1).

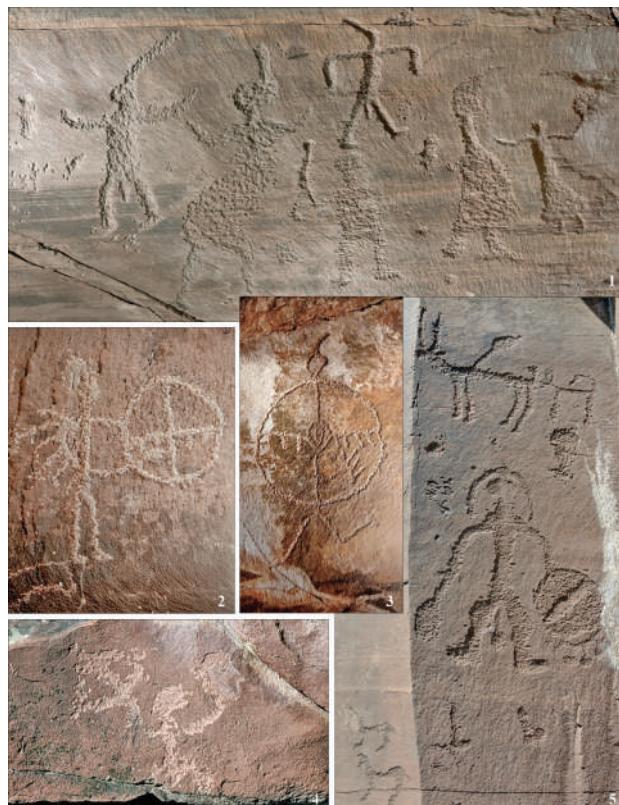

Рис. 2. Изображения шаманов: 1, 4 — Усть-Туба, фото И.В. Аболонковой; 2, 3 — Оглахты, фото по: (Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 138, 139); 5 — Ильинская писаница, фото А.Н. Мухаревой
Fig. 2. Images of shamans: 1, 4 — Ust-Tuba, photo by I.V. Abolonkova; 2, 3 — Oglakhty, photo by: (Rock paintings of Oglakhty, 2017, pp. 138, 139); 5 — Ilyinskaya petroglyphs, photo by A.N. Mukhareva

Широко представлены и другие животные, также характерные для искусства предшествующих эпох, в том числе козлы, олени, дикие звери, птицы и пр. Среди рисунков Средневековья и Нового времени нередко встречаются изображения верблюдов. Первоначально данные образы, датированные Новым временем, были выявлены на одной из плит на склоне горы Оглахты, а также на плите тагарского кургана близ улуса Бельтиры (Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 30, 46), а позднее на Тепсее, Усть-Тубе, Улацах,

горе Георгиевской и других памятниках (рис. 4). Некоторые фигуры изображены очень реалистично, другие — предельно схематично. На одной из усть-тубинских сцен верблюд тащит повозку, по виду похожую на хакасскую (Бутанаев, 1996, с. 48) (рис. 4.-1). Учитывая, что разведение верблюдов на территории Минусинской котловины прекратилось в XIX в., а заселение русскими данной территории произошло в XVIII в., можно предположить, что изображение могло быть выполнено в пределах этих хронологических границ.

Рис. 3. Сцены с изображениями коней: 1, 3 — Усть-Туба, фото И.В. Аболонковой (1) и О.С. Советовой (3); 2 — Тенсей, фото И.В. Аболонковой; 4 — Улазы, фото А.Н. Мухаревой; 5 — Фунтикова, фото А.Н. Мухаревой

Fig. 3. Scenes with images of horses: 1, 3 — Ust-Tuba, photo by I.V. Abolonkova (1) and O.S. Sovetova (3); 2 — Tepsey, photo by I.V. Abolonkova; 4 — Ulazi, photo by A.N. Mukhareva; 5 — Funtikova, photo by A.N. Mukhareva

Типичны для «народных» рисунков изображения собачек с закрученными хвостами. Наши предшественники не отмечали этот образ среди этнографических рисунков, но нами зафиксировано довольно значительное количество сцен с их участием на разных памятниках Минусинской котловины (рис. 5). Нередко собачки «вписаны» в сцены более ранних эпох, но встречаются также в оригинальных сюжетах Нового времени: бегущими рядом с всадником, изображенным верхом на коне (рис. 5.-2, 4), нападающими на копытное животное (рис. 5.-5), участвующими в сценах охоты с лучником на коне (рис. 5.-2) и др.

Можно отметить также изображения деревьев, запечатленных как в сценах на скалах, так и на камнях тагарских курганов. Среди них мы выделили деревья, ветви которых направлены вверх и вниз. А.В. Адрианов предполагал, что с опущенными ветвями могли изображаться березы, тогда как у пихты ветви направлены вверх (Адрианов, 1909, с. 523).

Нередко рядом с изображениями на скалах и курганных камнях встречаются хакасские тамги, которые широко использовали для клеймения лошадей или размежевания земельных и пастбищных угодий, ставили на личное имущество или использовали в качестве подписей в документах (Рогожинский, 2011, с. 217). Сам термин «тамга» (хак. танма) использовался хакасами как юридический знак собственности вплоть до начала XX в. (Кыржинаков, 2022, с. 105). Уверенно к Новому времени могут быть отнесены буквенные тамги, в частности в виде букв «Н» и «К», зафиксированные нами на местонахождении Усть-Туба-III, и буквы «А», выявленной на одном из курганных камней у горы Тепсей. Буква «А» в сочетании с буквой «К», в том числе в зеркальном отражении и в сочетании с другими буквами, известна среди рисунков Оглахты (Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 13.-30-32; табл. 47). Как отмечают специалисты, появлению буквенных тамг в XVIII в. способствуют распространение среди хакасов русского алфавита и введение царской администрацией фамилий для коренного населения края. В конце XIX в. самобытные тамги у хакасов, по мнению Н.Ф. Катанова (1891, с. 18), исчезают и заменяются русскими буквами или знаками, сходными с ними. Также известно, что в качестве тамг употребляли русские буквы в XIX — начале XX в. и казахи Горного Алтая (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 22, прим.).

Для рисунков Нового времени характерна и традиция подражания их более древним изображениям. Причем «подделки», как правило, менее реалистичны, нежели оригиналы, выполнены не столь умело. Вопрос о том, не являются ли «поздние» рисунки простым подражанием древним, либо все же они представляют самостоятельную страницу в истории изобразительного творчества, уже ставился исследователями. Так, А.В. Адрианов писал, что нередко хакасские пастухи пытались подражать древним наскальным рисункам, и отмечал такие случаи подражания среди оглахтинских петроглифов (Адрианов, 1904, с. 46). Достаточно в качестве примера назвать фигурки оленей с подогнутыми под живот ногами, как это было принято для изображений тагарского искусства (Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 26.-76).

Остается важным и вопрос «создательства» художников, когда хакасы «вписывали» свои персонажи в композиции более ранних эпох, таким образом как бы «переосмысливая» их (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, кат. 90, 172, 457, 477 и др.). Хорошо известно, что уже тагарские и таштыкские художники нередко использовали сцены, выполненные предшественниками (Миклашевич, 2007, с. 31; Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 82; Семенов и др., 2003, рис. 7, 8). Е.А. Миклашевич, приводя тщательно выполненное декорированное хакасское изображение коня «в яблоках» с украшениями на голове и шее, отмечает, что оно вполне могло быть инспирировано более ранним таштыкским изображением «украшенного коня», известного на том же местонахождении (Миклашевич, 2008, рис. 9). Другой пример: хакасские художники «посадили» крошечные фи-

турки человечков на гигантские изображения коней, нанесенных, вероятно, в конце тагарской эпохи на скальные плоскости Усть-Тубы (рис. 3.-1). Также среди рисунков Оглахты известно множество примеров «творческого» использования хакасами ранних композиций, когда в тагарские сцены добавлялись фигурки людей (нередко это разнополые антропоморфные пары, всадники), животные, знаки и т.д. (Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 74, 82, 102, 110). Одна из оглахтинских сцен была совершенно преобразована хакасским художником, когда он к фигурке оленя, выполненного в скифском стиле, подрисовал еще одну достаточно неказистую фигурку животного и между ними вписал антропоморфную фигуру, таким образом как бы воссоздав сюжет с «господином коней», а между этим скифским оленем и нижерасположенным таким же оленем (оба в позе с подогнутыми ногами) расположил две фигурки людей, взявшись за руки (Советова, 2005, рис. 11А; Наскальные изображения Оглахты, 2017, рис. на с. 82, фрагмент). На Тепсее в сцене с «великанами» позднее были подбиты некоторые фигурки всадников, человечков, а также собака с характерным закрученным хвостом (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, кат. 477).

Рис. 4. Сцены с изображениями верблюдов: 1 — Усть-Туба, фото И.В. Аболонковой; 2 — Оглахты, no: (Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 93); 3, 4 — Улазы, фото А.Н. Мухаревой; 5 — Георгиевская, фото А.Н. Мухаревой

Fig. 4. Scenes with images of camels: 1 — Ust-Tuba, photo by I.V. Abolonkova; 2 — Oglakhty, after: (Rock paintings of Oglakhty, 2017, p. 93); 3, 4 — Ulazi, photo by A.N. Mukhareva; 5 — Georgievskaya, photo by A.N. Mukhareva

Рис. 5. Сцены с изображениями собак: 1, 4 — Тенсей, фото О.С. Советовой; 2 — Оглакхты, по: (Наскальные изображения Оглакхты, 2017, с. 127); 3 — Улазы, фото А.Н. Мухаревой; 5 — Усть-Туба (микралентная копия О.С. Советовой)

Fig. 5. Scenes with images of dogs: 1, 4 — Tepsey, photo by O.S. Sovetova; 2 — Oglakhty, after: (Rock paintings of Oglakhty, 2017, p. 127); 3 — Ulazi, photo by A.N. Mukhareva; 5 — Ust-Tuba (copy by O.S. Sovetova)

В целом анализ сцен и образов в наскальном искусстве Нового времени позволяет выделить несколько традиционных, а также редких сюжетов. К первым, характерным для разных памятников Минусинской котловины, мы относим сцены с повозками/перекочевками (рис. 4.-1); семейные пары (либо пары с детьми; фигуры беременных женщин) (рис. 1.-2-4); сцены с конями, на спинах которых восседают или стоят антропоморфные персонажи (рис. 3.-4; 5.-2, 4), сцены охоты с участием конных и пеших людей, в которых нередко присутствуют собаки с закрученными хвостами (рис. 5.-2); цепочки из человеческих фигур (рис. 1.-1); изображения шаманов (рис. 2), тамги (Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 25; 26; табл. 7 и др.). Реже встречаются фигуры людей в детализированной одежде: брюках, юбках и др., в обуви, или просто изображения выкроек одежды, орнаментов (Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 5.-XIX; 12.-25; 14; 42; 43; 50; 51; рис. 16; Пяткин, Советова, Микашевич, 1995, табл. IX), а также сюжеты с включением нереальных персонажей (двухголовое чудище и др.).

Очерки семантики наскальных изображений Нового времени

Факты проведения хакасами вблизи скал с рисунками праздников неоднократно отмечались исследователями (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 65). Подтверждением того, что местное население собиралось возле писаных скал, служат, например, плоскости у подножий гор с многочисленными разнотипными тамгами (Забочинская скала Усть-Тубы) или многофигурными композициями, в которых отражены важные мировоззренческие основы коллективов. В качестве примера приведем композицию со всадником, конями, антропоморфными пятипалыми персонажами с большими округлыми животами и двухголовым существом, расположенную в глубине Широкого лога Усть-Тубы (Советова, Шишкона, Аболонкова, 2021, рис. 120). Повествование разворачивается на нескольких блоках каменных выходов, рядом с которыми имеется удобная площадка, на которой, очевидно, происходило само действие, а «иллюстрациями» могли служить наскальные изображения. В этой, по-видимому, «двухкадровой» сцене запечатлены героические испытания всадника, противостоящего различным существам. Герой на коне с каким-то поднятым предметом в руке преодолевает большие препятствия, встречаясь по очереди то с «пузатыми» врагами, у которых показаны крупные кисти рук с растопыренными пальцами, то с двухголовым чудищем² и т.п., но в результате выходит победителем. По-видимому, здесь были запечатлены хорошо известные участникам праздника отрывки из народных сказаний.

Отдельную, довольно многочисленную серию представляют персонажи, стоящие на спинах коней, о чем говорилось выше. По-видимому, это давняя традиция, корнями уходящая вглубь эпох, когда богов изображали стоящими на спинах своих священных животных, причем далеко не всегда на конях (Sovetova, 2010). Разумеется, на спинах коней могли изображать стоящими героев — победителей спортивных состязаний либо таким образом акцентировать их навыки в джигитовке. Либо это могли быть какие-то местные боги или духи, верования в которых были очень устойчивыми у тюркоязычных народов («Небесный всадник») (Бауло, 2000). Например, многие духи-покровители обских угров являлись богатырями. Наиболее почитаемым считался Небесный всадник — младший сын Нуши-Торума — Мир-суснешум (у манси), Мир-вантты-хэ «Мир осматривающий мужчину», Ас-тый-ики «Верховьев Оби мужчина» или Урт-ики, Вэрт (у хантов). По мнению И.Н. Гемуева (1990), этот персонаж пантеона был заимствован предками манси и хантов из иранской мифологии. По представлениям хакасов существовал «хозяин скота» Йзых-хан, который предпочитал, чтобы ему посвящались кони (изыхи) определенной масти (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 71). Духи-тёсы, восседающие на изыхах (Бурнаков, 2010, с. 117), известны по многим памятникам наскального искусства Минусинской котло-

² Тувинские шаманы при камлании обращались к двухголовой покровительнице тайги (Вайштейн, 1961, с. 190). В мифологии кетов известен злой мужской персонаж Доотэт. В сказках встречаются доотэты с двумя и более головами (Алексеенко, 2001, с. 95). У алтайцев седьмого сына Ульгеня изображали в виде двухголовой антропоморфной фигуры (Дьяконова, 1984, с. 49). Двухголовым, по мнению И.К. Феоктистовой, у автохтонных народов Сибири мог быть и образ духа — хозяина горы (Феоктистова, 2014, с. 128). Что же касается «нечеловечьих» голов существа, то известно, что в хакасских преданиях присутствуют демонические создания «мохсагалы» — человекообразные существа с собачьими головами.

вины (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 69, табл. 34, 39; Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 148; и др.). По воззрениям хакасов горные духи ездили на конях, что отражается в шаманских молитвах, им адресованных, одна из которых была записана еще Н.Ф. Катановым: «Ездишь ты верхом на темно-буром коне (курсив наш. — Авт.), кнутом тебе служит черная выдра, покрываешься ты (во время сна) черным бархатом! Не мучь черных голов!» (Миндибекова, 2023, с. 71). Среди рисунков на кусках ткани некоторые чалбак-тёсы, отожествляющие духов огня, изображены в виде мужских фигур без одежды с обозначенными пальцами на руках (Иванов, 1955, рис. 1.-2, 2), а изображения стоящих на конях духов — помощников шамана иногда встречаются на лентах шаманской одежды (Иванов, 1955, рис. 5).

Важное место в изобразительном искусстве хакасов занимает образ самого шамана. Известно уже немало выразительных сцен, в которых задействованы камлающие, перемещающиеся и представленные в экстатических позах шаманы, главным атрибутом которых является бубен (рис. 2). Бубны бывают разных размеров, различаются и одеяния шаманов. В число сакрализованных вещей обычно входили мужские головной убор (*пöрïк*), пальто (*кип*), штаны (*ыстан*), пояс (*хур*), рубаха (*кёгенек*), рукавицы (*мелей*), а также женские платок (*плат*), платье (*кёгенек*) и пр. Для исполнения обряда требовался ритуальный костюм — накидка, шуба, пальто, штаны, рубаха, пояс, головной убор и пр. (Бурнаков, 2012, с. 268). Некоторые из этих элементов мы видим в наскальных сценах. В одной из них (Усть-Туба), возможно, использовано более раннее изображение головы коня в качестве одного из атрибутов шамана (палка с головой коня, «конные трости» и пр.).

В качестве редкого сюжета можно привести сцену из Волчьего лога Тепсея, в которой гравированными линиями представлен лыжник на фоне юрты, на спине которого обозначен какой-то груз (Советова, Шишкова, Аболонкова, 2021, кат. 156). Возможно, здесь имеются и другие фигуры людей, но из-за сильных белесых натеков линии не всегда угадываются и не складываются в «читаемую» фигуру. У лыжника явно показаны лыжи-голицы — одна из разновидностей хакасских лыж небольшого размера, называемых *халбырах*, которые делались из лиственницы и не подбивались камусом. Они предназначались для хождения по весеннему насту, а у безлошадных бедняков — для зимней пастьбы овец. Второй вид лыж — *сана* делался из черемухи, подбивались эти лыжи камусом и употреблялись для хождения на охоту. Изображения лыжников нанесены на передней стенке старинного хакасского сундука из улуса Картоев на реке Б. Есь. Их форма аналогична лыжам тепсейского персонажа (Кызласов, Лентьев, 1980, рис. 20).

Многие исследователи, побывавшие на Усть-Тубинском склоне горы Тепсей, не могли не видеть изображение парохода (рис. 6). Существует легенда о возможном авторе этого рисунка, рассказанная нам сотрудником ХакНИИЯЛИ В.Э. Семашкевичем, которую тот узнал от А.И. Поселянина, археолога ХакГУ, а тот, в свою очередь, от своего отца И.П. Поселянина. Смысл ее заключается в следующем: в деревне Листвягово жил Александр Марьясов (не достоверно, возможно, это был Александр Шапошников), у которого было прозвище «тятька-моряк». Служил он во флоте, принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. Похоронен «тятька-моряк» на листвяговском клад-

бище. Если внимательно посмотреть на изображение, то видно, что «пароход» является явно боевым кораблем. Рассказывали, что мужик этот был рукастый, мог починить и самовар, и швейную машинку. В то время в устье Тубы, у подножия Тепсей было остров Забока (до затопления), на котором происходила погрузка барж, а также работали бакенщики. Бродя бы там трудился и «тятка-моряк». Возможно, что с места, где находится рисунок «пароход», было видно Забоку и все там происходящее. Не исключено, что это могло навеять автору рисунка мысль о выбивке корабля, на котором тот, возможно, когда-то служил.

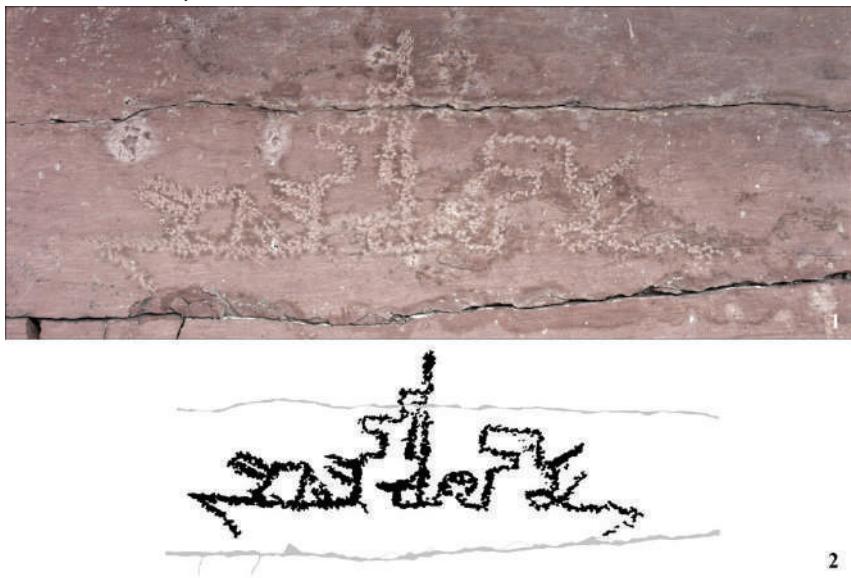

Рис. 6. Изображение парохода, Усть-Туба: 1 — фото И.В. Аболонковой;

2 — прорисовка Л.В. Кадетовой

Fig. 6. Image of a steamship, Ust-Tuba: 1 — photo by I.V. Abolonkova; 2 — drawing by L.V. Kadetova

Заключение

Таким образом, по наскальным изображениям возможно реконструировать некоторые мировоззренческие представления местного населения Минусинской котловины Нового времени. В наскальных сценах запечатлены образы и сюжеты, волнующие самих авторов — по-видимому, жителей близлежащих деревень, в том числе пастухов, большую часть времени проводящих на склонах горных массивов за выпасом скота. Поэтому так часто встречаются сюжеты, отражающие бытовые сцены, реалии жизни, — это фигуры самих пастухов, восседающих на конях, сцены выпаса животных, сюжеты охоты, в том числе с участием постоянного спутника — собаки, тамги, орнаменты и пр. Конечно же, местное население по-особому относилось к горам, почитало их, верило в горных духов, поэтому не менее волнующие сцены, связанные с мистическими образами, запечатлены и на скалах — камлания шаманов, образы духов, священных коней-изыхов, сцены хороводов, проводившихся во время массовых праздников. Опираясь на материалы памятников наскального искусства, мы можем с уверенностью гово-

рить, что они являются важным изобразительным источником, наряду с другими видами народного творчества хакасского населения, которому ранее не уделялось должного внимания. Эти изображения позволяют приоткрыть некоторые ранее неизвестные (а может быть, и попросту ранее неинтересные) стороны жизни населения региона — как бытовые, так и сакральные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адрианов А.В. Писаницы Енисейской губернии (Отчет 1904 г.) // Научный архив ИА РАН. Ф. 12. №151. 129 л.

Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. Записки ИРГО. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбума, 1909. Т. XXXIV. С. 489–524.

Алексеенко Е.А. Мифы, предания, сказки кетов. М. : Вост. лит., 2001. 342 с.

Бауло А.В. Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3 (3). С. 132–144.

Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об языках // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №2 (42). С. 111–121.

Бурнаков В.А. Одежда в обрядовой практике хакасских шаманов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. №7. С. 258–269.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.

Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1961. 218 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск : Наука, 1990. 230 с.

Дьяконова В.П. Этнические и историко-культурные связи народов Южного Алтая и Тувы // Этническая история тюрко-язычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск : ОмГУ, 1984. С. 21–25.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 839 с.

Иванов С.В. О значении изображений на старинных предметах культа // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. XVI. С. 165–264.

Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году. СПб. : паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1891. 96 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск : Издание Ин. Кузнецова, 1886. 185 с.

Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск : Типо-лит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1889. 51 с.

Кызласов И.Л. Особенности археологического изучения южносибирского средневековья // Краткие сообщения Института археологии. 2020. №261. С. 313–327.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М. : Наука, 1980. 176 с.

Кыржинаков А.А. Типология тамг — знаков собственности хакасов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, №2. С. 105–110.

Ладыгина Ю.М. К истории женского костюма древних и средневековых народов Саяно-Алтая (по материалам петроглифов) // СибСкрипт. 2013. №3. С. 37–34.

Леонтьев Н.В. Хакасские народные рисунки на плитах горы Оглахты // Вопросы истории Хакасии. Абакан : ХакНИИЯЛИ, 1977. С. 124–135.

Леонтьев Н.В., Панкова С.В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. Труды САИПИ. Вып. X. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. С. 5–27.

Мессершмидт Д.Г. Извлечение из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта // Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. (Материалы по археологии России. №3). СПб. : Типография Императорской академии наук, 1888. С. 9–19.

Миклашевич Е.А. Исследование наскального искусства Северной и Центральной Азии в 1995–1999 гг. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. 60 с.

Миклашевич Е.А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. 14. С. 190–195.

Миклашевич Е.А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. №1 (9). С. 54–77.

Миклашевич Е.А. Исследования Петрографической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2018 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 9. С. 66–81.

Миндебекова В.В. Мифологическая основа обрядовых благопожеланий хакасов // Эпосоведение. 2023. №2 (30). С. 67–75.

Мухарева А.Н., Емельянцева М.П. Изображения Нового времени на памятниках наскального искусства Среднего Енисея: формирование корпуса источников и перспективы дальнейших исследований // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. №2. С. 156–170.

Наскальное искусство Среднего Енисея: от каменного века до средневековья: по материалам коллекции эстампажей Евгения Сергеевича Аннинского: альбом. Железногорск : Фонд «Памяти о Решетневе», 2007. 221 с.

Наскальные изображения Оглахты: альбом. Абакан : ХакНИИЯЛИ, 2017. 160 с.

Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая Старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.

Петроглифы древней Сибири альбом. М. : Галарт, 2010. 191 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 192 с.

Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово : КемГУ, 1995. С. 86–108.

Рогожинский А.Е. Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. Т. 2. С. 217–225.

Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XVII. №3–4. Иркутск : ВСОРОГ, 1886. С. 26–106.

Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Суботин А.В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). СПб. : Элик-Сис, 2003. 122 с.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петрографического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : КемГУ, 1999. С. 47–74.

Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово : Вектор-Принт, 2021. 288 с.

Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб. : Тип. Конрада Вингебера, 1835. Ч. II. 139 с.

Страницы истории деревни Листвягово // Эхо Турана. 2019. URL: <https://exoturana.ru/istoriia/pozadi-240-let-2/> (дата обращения: 01.09.2024).

Феоктистова И.К. Мотивы фольклора и мифологии автохтонных народов Сибири в образе горного батюшки (по материалам А. Мисюрёва) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2014. №1. С. 127–129.

Шнейдер Е.Р. Искусство народностей Сибири // Искусство народностей Сибири. Л. : Ленинградский областлит, 1930. С. 57–100.

Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris : Diffusion de Boccard, 1995. Fascicule №2. 153 p.

Castren M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. Saint Petersburg, 1856. 527 s.

Sher J.A. Siberie du sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris : Diffusion de Boccard, 1994. Fascicule №1. 152 p.

Sovetova O.S. Theme of «a God on an Animal» in Rock Art // 2-nd International Congress of Eurasian Archaeology. East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. Tire : Tire Belediye Başkanlığı, 2010. Pp. 54–55.

REFERENCES

Adrianov A.V. Writers of the Yenisei Province (Report 1904). In: Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 12. File 151, 129 fol. (In Russ.)

Adrianov A.V. Airan in the Life of a Minusinsk alien. In: Collection in Honor of the Seventieth Anniversary of Grigory Nikolaevich Potanin. Notes of the IRGO. St. Petersburg : Tip. V.F. Kirshbauma, 1909. Vol. XXXIV. P. 489–524. (In Russ.)

Alekseenko E.A. Myths, Legends, Tales of the Kets. Moscow : Vost. lit., 2001. 342 p. (In Russ.)

Baulo A.V. Heavenly Horseman (sacrificial blankets of the Northern Khanty). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2000;3(3):132–144. (In Russ.)

Burnakov V.A. Traditional Ideas of the Khakass about the Yzykhs. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2010;2(42):111–121. (In Russ.)

Burnakov V.A. Clothing in the Ritual Practice of Khakass Shamans. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория, филология = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2012;7:258–269. (In Russ.)

Butanayev V.Ya. Traditional Culture and Life of the Khakass People. Abakan : Hakas. kn. izd-vo, 1996. 224 p. (In Russ.)

Weinstein S.I. Tuvans-Todzhins. Historical and Ethnographic Essays. Moscow : Nauka, 1961. 218 p. (In Russ.)

Gemuev I.N. The Mansi Worldview. Home and Space. Novosibirsk : Nauka, 1990. 230 p. (In Russ.)

Dyakonova V.P. Ethnic and Historical-Cultural Connections of the Peoples of Southern Altai and Tuva. In: Ethnic History of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Omsk : OmGU, 1984. Pp. 21–25. (In Russ.)

Ivanov S.V. Materials on the Fine Arts of Siberian Peoples of the 19th — Beginning of the 20th Centuries. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1954. 839 p. (In Russ.)

Ivanov S.V. About the Meaning of Images on Ancient Objects of Cult. In: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1955. Vol. XVI. Pp. 165–264. (In Russ.)

Katanov N.F. A Trip to the Karagas in 1890. St. Petersburg : parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo, 1891. 96 p. (In Russ.)

Klements D.A. Antiquities of the Minusinsk Museum. Tomsk : Izdanie In. Kuznecova, 1886. 185 p. (In Russ.)

Kuznetsov I.P. Ancient Graves of the Minusinsk District. Tomsk : Tipo-lit. V.V. Mihajlova i P.I. Makushina, 1889. 51 p. (In Russ.)

Kyzlasov I.L. Features of the Archaeological Study of the South Siberian Middle Ages. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2020;261:313–327. (In Russ.)

Kyzlasov L.R., Leontyev N.V. Folk Drawings of Khakass. Moscow : Nauka, 1980. 177 p. (In Russ.)

Kyrzhinakov A.A. Typology of Tamg — Marks of Khakass Ownership. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):105–110. (In Russ.)

Ladygina Yu.M. On the History of Women's Costume of the Ancient and Medieval Peoples of the Sayano-Altai (based on petroglyphs). *Sibscript*. 2013;3:37–43. (In Russ.)

Leontyyev N.V. Khakass Folk Drawings on the Plates of Mount Oglakhty. In: Issues of the History of Khakassia. Abakan : HakNIIYaLI, 1977. Pp. 124–135. (In Russ.)

- Leont'ev N.V., Pankova S.V. Petroglyphs of Mount Georgievskaya (Tashtyk carvings). In: Rock art Monuments of the Minusinsk Basin: Georgievskaya, Linishchenskaya, Ulaza III, Sosnikha. The works of SAIFI. Issue X. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Messershmidt D.G. Extract from the Travel Diary of D.G. Messerschmidt. In: Radlov V.V. Siberian Antiquities. Vol. 1. Iss. 1 (Materials on the Archaeology of Russia. No 3). St. Petersburg : Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1888. Pp. 9–19. (In Russ.)
- Miklashevich E.A. Research of Rock Art of Northern and Central Asia in 1995–1999. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2007. 60 p. (In Russ.)
- Miklashevich E.A. Documentation of Rock Art Monuments in Khakassia and in the South of Krasnoyarsk Krai in 2008. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij = Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories.* 2008;14:190–195. (In Russ.)
- Miklashevich E.A. The Oglakhty Rock Art Complex: Informational Potential and Research Perspectives. *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya = Sayan-Altai Scientific Review.* 2015;1(9):54–77. (In Russ.)
- Miklashevich E.A. Research of the Petrographic Expedition of the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve in 2018. *Uchenyye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya Pisanitsa” = Transactions of the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve.* 2019;9:66–81. (In Russ.)
- Mindibekova V.V. Mythological Basis of Ritual Good Wishes of the Khakass. Eposovedenie = Epic Studies. 2023;2(30):67–75. (In Russ.)
- Mukhareva A.N., Emelyantseva M.P. Images of the Modern Period on Rock Art Sites the Middle Yenisei: Source Corpus Formation and Prospects for Further Research. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies.* 2023;2:156–170. (In Russ.)
- Rock art of the Middle Yenisei: from the Stone Age to the Middle Ages: Based on the Materials of the Collection of Prints by Evgeny Sergeevich Anninsky. Album. Zheleznogorsk : Fond “Pamyati o Reshetneve”, 2007. 221 p. (In Russ.)
- Rock Paintings of Oglakhty. Album. Abakan : HakNIIYaLI, 2017. 160 p. (In Russ.)
- Ostrovskikh P.E. Ethnographic Notes on the Turks of the Minusinsk Territory. *Zhivaya starina = Living Antiquity.* 1895;3–4:297–348. (In Russ.)
- Petroglyphs of Ancient Siberia. Album. Moscow : Galart, 2010. 191 p. (In Russ.)
- Piatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinsky Petroglyphs. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarnika, 1985. 192 p. (In Russ.)
- Pyatkin B.N., Sovetova E.A., Miklashevich E.A. Petroglyphs of Oglakhty-V (publication of the collection). In: Ancient Art of Asia. Petroglyphs. Kemerovo : KemGU, 1995. Pp. 86–108. (In Russ.)
- Rogozhinsky A.E. Identification Signs-Tamgas of Nomads of Modern Times and the Middle Ages in the Mountain Landscapes of Semirechye, Southern and Eastern Kazakhstan. In: Rock Art in Modern Society. On the 290th Anniversary of the Scientific Discovery of Tomsk Petroglyphs. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Vol. 2. Pp. 217–225. (In Russ.)
- Savenkov I.T. On the Exploration Materials on the Archaeology of the Middle Reaches of the Yenisei. In: News of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. XVII. No 3–4. Irkutsk : VSORGO, 1886. Pp. 26–101. (In Russ.)

Semenov V.A., Kilunovskaia M.E., Krasnienko S.V., Subotin A.V. Images on the Slabs of Tagarsky Mounds (Sharypovsky district of the Krasnoyarsk Territory). St. Petersburg : ElikSis, 2003. 122 p. (In Russ.)

Sovetova O.S. Petroglyphs of the Tagar Era on the Yenisei (plots and images). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 140 p. (In Russ.)

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Chronological and Stylistic Features of the Middle Yenisei Petroglyphs (based on the results of the work of the Petrographic detachment of the South Siberian archaeological expedition of the Kemerovo State University). In: Archaeology, Ethnography and Museology. Kemerovo : KemGU, 1999. Pp. 47–74. (In Russ.)

Sovetova O.S., Shishkina O.O., Abolonkova I.V. Rock Art of the Tepsey Archaeological Microdistrict. Kemerovo : Vector-Print, 2021. 288 p. (In Russ.)

Stepanov A.P. Yenisei Province. St. Petersburg : Tip. Konrada Vingebera, 1835. Part 2. 139 p. (In Russ.)

Pages of the History of the Village of Listvyagovo. In: Echo of Turan. 2019. URL: <https://exoturana.ru/istoriia/pozadi-240-let-2/> (date of access: 01.09.2024). (In Russ.)

Feoktistova I.K. Motifs of Folklore and Mythology of the Autochthonous Peoples of Siberia in the Image of a Mountain Priest (based on materials by A. Misurov). *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istorya. Sovremennost'* = *Omsk Scientific Bulletin. The Series "Society. History. Modernity."* 2014;1:127–129. (In Russ.)

Schneider E.R. Art of Peoples of Siberia. In: Art of Peoples of Siberia. Leningrad : Leningradskij oblastlit, 1930. Pp. 57–100. (In Russ.)

Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris : Diffusion de Boccard, 1995. Fascicule №2. 153 p. (In French)

Castren M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St. Petersburg, 1856. 527 s. (In Germ.)

Sher J.A. Siberie du sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris : Diffusion de Boccard, 1994. Fascicule №1. 152 p. (In French)

Sovetova O.S. Theme of “a God on an Animal” in Rock Art. In: 2-nd International Congress of Eurasian Archaeology. East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. Tire : Tire Belediye Başkanlığı, 2010. Pp. 54–55.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Советова О.С.: организация и руководство археологическими экспедициями, в ходе которых осуществлялся сбор материала, исследование памятников, анализ и интерпретация полученных материалов, написание разделов по сюжетно-стилистическому своеобразию изображений семантической интерпретации, общая редактура текста.

O.S. Sovetova: organization and executing archaeological expeditions that allowed data recovery, study of monuments, analysis and interpretation of the obtained materials, writing of sections on the plot and stylistic originality of images of semantic interpretation, general editing of the text.

Шишкина О.О.: сбор материала, обработка материала, написание разделов по сюжетно-стилистическому своеобразию изображений семантической интерпретации, техническая редактура текста.

O.O. Shishkina: data recovery, processing artefacts, processing of material, writing of sections on the plot and stylistic originality of images of semantic interpretation, technical editing of the text.

Сирюкин И.В.: сбор материала, обработка материала, историческое и археологическое исследование памятников, написание раздела по краткой истории изучения «поздних» наскальных изображений, подбор источников и литературы.

I.V. Siryukin: data recovery, processing artefacts, historical and archaeological study of monuments, writing of a section on a brief history of the study of “late” rock paintings, selection of sources and literature.

Мухарева А.Н.: организация и руководство археологическими экспедициями, в ходе которых осуществлялось выявление и документирование «поздних» изображений, анализ материала, участие в написании введения, разделов по краткой истории изучения и сюжетно-стилистическому своеобразию, подбор и компоновка иллюстративного материала, общее редактирование текста.

A.N. Mukhareva: organization and executing archaeological expeditions that allowed data recovery, during which “late” images were identified and documented study of monuments, writing of a section the introduction, sections on a brief history of the study and plot-stylistic originality, selection and arrangement of illustrative material, general editing of the text.

There is no conflict of interest / Конфликт интересов отсутствует.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Советова Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и международных отношений, заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Olga S. Sovetova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Head of the Department of Archaeology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Шишкина Ольга Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Olga O. Shishkina, PhD in History, Associate Professor, Department of General History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Сирюкин Иван Витальевич, ассистент кафедры археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Ivan V. Siryukin, Assistant, Department of Archaeology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Мухарева Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета; старший научный сотрудник Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница», Кемерово, Россия.

Anna N. Mukhareva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Senior Researcher, “Tomskaya Pisanitsa” Kuzbass Museum-reserve, Kemerovo, Russia.

*Статья поступила в редакцию 31.10.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024;
принята к публикации 25.11.2024.
The article was submitted 31.10.2024;
approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 25.11.2024*